

Aurora Keller

Шепот вещей

Aurora Keller

Шёпот вещей

<https://litres.ru/74412552>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Вещи, которые умеют слушать» — сборник рассказов, где обычные предметы становятся свидетелями человеческих чувств: чашка, зеркало, тетрадь, гитара, фотоплёнка хранят боль, надежду и мужество. Через детали раскрываются истории людей, которым трудно говорить вслух, — они доверяют эмоции бумаге, музыке, отражениям, неотправленным письмам. Герои учатся быть услышанными, начиная с самих себя: кто-то черпает опору в маминой сказке, кто-то пускает по воде бумажные лодочки, кто-то решается взять гитару, несмотря на обиды. Каждый рассказ — маленький акт смелости: не прятать боль, а превратить её в слово, звук или жест, способный поддержать другого. Книга дарит тихое узнавание: в ней читатель может увидеть себя. Истории могут стать опорой в непростой период и вдохновением для авторов — ведь личный опыт здесь превращается в искусство, а порой — в зачатки сценариев и песен.

Aurora Keller
Шёпот вещей

Глава 1

«Тот самый запах»

Андрей не любил город. Не в смысле «хотел бы жить в деревне» — а именно не любил: гул машин, запах бензина, бетонные коробки, которые будто нарочно строились так, чтобы давить на плечи. Он привык к этому давлению, как привыкают к неудобной обуви: ходишь и не замечаешь, пока не снимешь.

В тот день он шёл по переулку, который когда-то знал наизусть, а теперь едва узнавал: старые ларьки снесли, вместо них поставили стеклянные павильоны, асфальт лежал ровный, но какой-то чужой. И вдруг — запах.

Он ударил не в нос, а прямо в грудь, как толчок из прошлого. Тёплый, густой, с лёгкой кислинкой и чем-то ещё, неуловимым, но таким родным, что у Андрея на секунду перехватило дыхание. Это был запах бабушкиной кухни: сдобное тесто, ваниль, немного корицы и ещё что-то, что невозможно назвать, но сразу узнаешь, если когда-то любил.

Андрей замер посреди тротуара. Мимо шли люди, кто-то чуть не толкнул его, буркнул что-то недовольное. Андрей не заметил. Он стоял и вдыхал, будто боялся, что запах исчезнет, если моргнёт.

Источник был рядом — маленькая пекарня с вывеской «Свежая выпечка» и витриной, заставленной круассанами и

булочками. Андрей зашёл. Внутри пахло вкусно, но не так. Этот запах был правильным, но чужим: в нём не было бабушки.

— Вам что-нибудь подсказать? — спросила девушка за прилавком, улыбнувшись дежурной улыбкой.

— А этот запах... откуда он? — спросил Андрей, сам удивляясь, как нелепо это звучит.

Девушка пожала плечами:

— У нас своя рецептура. Ваниль, корица, ещё специи... Хотите попробовать булочку?

Он покачал головой. Вышел обратно на улицу и понял, что не может просто пойти дальше. Этот запах будто выдернул из него что-то давно спрятанное, и теперь это что-то требовало: найди. Найди то, что было.

Следующие дни Андрей ходил по городу, заглядывая в каждую пекарню, в каждый магазин, где могло пахнуть выпечкой. Он спрашивал продавцов, нюхал коробки с пряностями, стоял у открытых дверей кухонь, пока повара не начинали смотреть на него с подозрением. Он искал тот самый запах, который услышал в переулке, и не находил.

Однажды он оказался возле старого дома, где когда-то жила бабушка. Дом стоял на месте, но выглядел иначе: фасад обновили, окна заменили на пластиковые, подъездная дверь была новой, с кодовым замком. Андрей остановился у стены, прислонился к ней и закрыл глаза. И вдруг снова почувствовал этот запах — не такой сильный, как в пекарне, но насто-

ящий. Он был не в воздухе, он был в памяти.

— Молодой человек, вы тут кого-то ждёте? — слышался рядом женский голос.

Андрей открыл глаза. Перед ним стояла пожилая женщина с хозяйственной сумкой.

— Я... я просто вспомнил кое-что, — сказал он, смущённо улыбаясь.

Женщина посмотрела на него внимательно, будто что-то поняла.

— Вы, наверное, в этом доме жили? Или кто-то из родных?

Андрей кивнул.

— Бабушка здесь жила. Я к ней в детстве приезжал.

Женщина вздохнула, как будто вспомнила что-то своё.

— Хороший был дом. Тихий. А теперь всё новое, всё чужое. Но знаете, я тут недавно нашла старую коробку с бабушкиными вещами. Там были её рецепты, письма... Может, хотите посмотреть? У меня чай как раз заварился.

Андрей хотел отказаться — он не любил чужих разговоров, не любил лезть в чужую жизнь. Но что-то в её голосе, в этом предложении, было таким тёплым, что он кивнул.

Они поднялись на третий этаж, в маленькую квартиру, где пахло не выпечкой, а старым деревом, книгами и чем-то ещё, что Андрей не мог назвать, но что тоже было родным. Женщина поставила чайник, достала коробку и начала выкладывать из неё вещи: пожелтевшие письма, фотогра-

фии, маленькую книжку с рецептами, исписанную аккуратным почерком.

— Вот, смотрите, — сказала она, раскрыв книжку на странице с рецептом пирога. — Она всегда добавляла что-то своё, не по рецепту. Говорила, что вкус — это не ингредиенты, а любовь, которую ты вкладываешь.

Андрей смотрел на строчки, написанные чужой рукой, и вдруг понял: он искал не запах. Он искал ощущение, которое этот запах вызывал. Ощущение, что его любят. Что о нём заботятся. Что где-то есть место, куда можно прийти и просто быть собой.

Чай был простым, без ванили и корицы, но Андрей пил его и чувствовал, как внутри что-то успокаивается.

— Спасибо, — сказал он, когда допил.

Женщина улыбнулась:

— Не за что. Иногда нам просто нужно вспомнить, что мы не одни.

На улице уже темнело. Андрей шёл домой, и город уже не казался таким чужим. Он всё ещё был шумным, бетонным, неудобным. Но теперь Андрей знал: где-то внутри него есть место, которое всегда будет тёплым.

Он достал телефон и набрал мамин номер. Она ответила почти сразу, будто ждала звонка.

— Привет, мам, — сказал Андрей, и голос его звучал непривычно мягко. — Я тут подумал... Расскажи мне что-нибудь про бабушку. Всё, что помнишь.

Мама помолчала секунду, а потом начала рассказывать. И Андрей слушал, закрыв глаза, и снова чувствовал тот самый запах — не из пекарни, не из старого дома, а из сердца.

Тишина в наушниках

Лиза не помнила, в какой день наушники стали её второй кожей. Кажется, это случилось не в один момент, а как-то незаметно: сначала она надевала их, чтобы заглушить ссору на кухне, потом — чтобы не слышать, как хлопает входная дверь, потом — просто чтобы не слышать вообще ничего. Теперь она носила их даже дома, даже когда в квартире стояла тишина. Потому что тишина в квартире была ненастоящей: в ней всегда прятался чужой гнев, и Лиза боялась его услышать. Ей было семнадцать. Она училась в одиннадцатом классе, делала вид, что всё нормально, и старалась быть незаметной. В наушниках играл белый шум — ровный, спокойный, как дыхание спящего человека. Он не кричал, не торопил, не обвинял. Он просто был. Однажды среди этого шума появился голос. Он не звучал громко. Скорее, он просачивался сквозь шипение, как свет сквозь тонкую ткань. «Ты здесь», — сказал голос. Лиза замерла, рука потянулась сорвать наушники. Но голос добавил: «Не снимай. Я просто посижу с тобой». И она не сняла. Следующие дни голос появлялся снова. Он не рассказывал историй, не давал советов. Он просто отмечал мелочи: «Ты сегодня выпила воду?», «Ты сидишь слишком прямо, расслабь плечи», «Если хочешь плакать — плачь, я не буду смотреть». И са-

мое главное: он никогда не просил ничего взамен. Лиза начала ждать этих слов. Они не решали её проблем, но делали их чуть меньше, будто кто-то накинул на них лёгкое одеяло. А потом в квартире стало громче обычного. Родители кричали так, что дрожали стёкла. Лиза сидела в своей комнате, сжавшись в комок, наушники вдавливались в уши, белый шум гудел, но сквозь него пробивался голос: «Сними их. Посмотри». «Нет», — прошептала Лиза. «Посмотри», — повторил голос, и в этот раз в нём не было мягкости. В нём была настойчивость, почти приказ. Она сняла наушники. Тишина ударила сильнее крика. Потому что теперь она слышала не только слова, она слышала себя. Слышала, как у неё дрожат зубы, как в горле стоит ком, как хочется закричать в ответ, но она боится. И впервые за долгое время она поняла: она не просто свидетель чужой бури. Она — человек, которому от этой бури больно. Лиза встала, подошла к двери, взялась за ручку. И вдруг голос прозвучал не в наушниках, а прямо в комнате — тихо, но ясно: — Ты можешь сказать: «Мне страшно». Просто скажи это. Она не знала, откуда пришёл этот голос. Может, из белого шума. Может, изнутри. А может, это был тот самый тихий друг, которого она придумала, чтобы не сойти с ума. Но сейчас это было неважно. Лиза открыла дверь. Родители замолчали на полуслове, будто споткнулись о её взгляд. Они стояли друг напротив друга, красные, злые, и вдруг увидели её. Увидели не как часть фона, не как повод для упрёков, а как человека, который стоит в

дверном проёме и дрожит.— Мне страшно, — сказала Лиза. Голос был хриплым, чужим, но настоящим. — Я не хочу это слышать. В комнате повисла пауза. Не та звенящая, злая тишина, а другая — усталая, растерянная. Отец первым опустил глаза. Мать сделала шаг вперёд, будто хотела обнять, но остановилась, не зная, можно ли.— Прости, — сказал отец, и это слово прозвучало так, будто ему было тяжело его выговорить. — Мы не думали, что ты слышишь.— Мы не хотели, чтобы тебе было страшно, — добавила мама, и в её голосе дрожало что-то похожее на слёзы. Лиза не бросилась к ним, не сказала, что всё хорошо. Потому что не было хорошо. Но впервые за долгое время ей показалось, что, возможно, станет лучше. На следующий день она не надела наушники сразу. Сначала посидела в тишине, прислушиваясь к квартире. Ссоры не было. Был чайник, который свистел на кухне, был скрип половиц, был голос мамы, которая тихо разговаривала по телефону. И был её собственный голос, который она наконец слышала. Вечером Лиза достала наушники, положила их на стол. Белый шум больше не был её убежищем. Теперь он стал напоминанием: иногда, чтобы спастись, нужно не спрятаться, а выйти из укрытия и сказать: «Я здесь. И мне больно». Голос в белом шуме больше не появлялся. Но Лиза знала: если станет совсем тяжело, она сможет снова его позвать. Или, что ещё важнее, сможет позвать кого-то настоящего.

Кот, который знал слишком много

Марина привыкла к одиночеству. Не к тому красивому, когда сидишь у окна с чашкой чая и думаешь о великом, а к тяжёлому, липкому — когда тишина в квартире становится громче любых слов. После развода прошло полтора года, но она до сих пор ловила себя на том, что говорит вслух, будто кто-то должен ответить. Отвечал только кот. Барсик появился у неё случайно: просто выскочил из-под куста во дворе, сел напротив, посмотрел так, будто знал про неё всё, и пошёл рядом до самой двери. Марина улыбнулась и подумала: «Ладно, живи». С тех пор он жил. И делал странные вещи. Он всегда ложился ровно туда, где у неё ныла спина или тянуло шею. Будто сканировал боль и ставил на неё свой пушистый «компресс». Если Марине становилось тревожно, Барсик садился у ног и смотрел не с любопытством, а с пониманием — так, словно хотел сказать: «Я тут. Ничего не случится». Однажды вечером она сидела на полу, прислонившись к шкафу, и плакала без слёз — так, как плачут, когда сил уже нет даже на рыдания. Барсик подошёл, уткнулся лбом в её ладонь и замер. А потом — Марина могла поклясться — тихо, почти беззвучно произнёс: — Ты не одна. Она вздрогнула, подняла голову, посмотрела на кота. Тот сидел, слегка наклонив голову, будто ждал, поймёт она или решит, что сошла с ума.

— Что ты сказал? — прошептала Марина. Барсик не ответил. Он просто запрыгнул ей на колени, свернулся клубком и замурчал. Громко, ритмично, как будто специально, чтобы заглушить тишину. На следующее утро она всё ещё вспоминала эти слова. «Это невозможно, — говорила она себе. — Коты не говорят. Я просто так сильно хотела услышать хоть чей-то голос, что придумала». Но внутри что-то дрожало — не от страха, а от странного облегчения. И всё же она начала замечать другие странности. Когда она злилась на бывшего, Барсик приходил и ложился поперёк её пути, мешая дойти до ноутбука, где она собиралась написать ему гневное письмо. Когда ей хотелось просто лечь и не вставать весь день, он тыкался носом в её руку, потом спрыгивал и делал несколько шагов, оглядываясь: «Вставай. Пойдём». Как-то раз она сказала вслух: — Если бы ты и правда мог говорить, что бы ты мне сказал? Барсик поднял уши, будто прислушиваясь к чему-то, чего она не слышала. Потом медленно подошёл к входной двери, сел и посмотрел на неё очень серьёзно. — Хочешь, выйдем? — спросила Марина. Кот не шевельнулся. Просто смотрел. Она надела куртку, взяла ключи. На улице было прохладно, пахло мокрым асфальтом и осенью. Марина шла, а Барсик бежал рядом, не отставая, будто охранял. Они дошли до маленького сквера, где на скамейке сидела пожилая женщина и кормила голубей. Женщина улыбнулась: — Какой у вас умный кот. Прямо как человек. Марина хотела отшутиться, но вместо этого вдруг сказала: — Иногда мне

кажется, что он и правда всё понимает.— А может, и понимает, — спокойно ответила женщина. — Животные видят то, что мы прячем. Особенно когда нам больно. Марина села на скамейку. Барсик запрыгнул к ней, устроился на коленях и снова замурчал. И в этот момент она вдруг поняла: слова «ты не одна» не обязательно должны были звучать из кошачьей пасти. Они звучали внутри неё самой — и Барсик просто помог их услышать. С того дня Марина стала разговаривать с ним не потому, что надеялась на ответ, а потому, что ей становилось легче. Она рассказывала ему про работу, про сны, про то, как иногда страшно бывает просыпаться одной. И каждый раз, когда голос начинал дрожать, Барсик прижимался к ней, и дрожь утихала. Однажды утром, когда солнце только начинало заливать комнату жёлтым светом, Марина сказала:— Знаешь, я начинаю привыкать к себе. К этой новой себе, которая живёт одна, но не одинока. Барсик открыл один глаз, посмотрел на неё, зевнул и снова закрыл.— Спасибо тебе, — тихо добавила она. Он не ответил. Ему и не нужно было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.